

18+

Р. П. Чернов

ЛЮДИ МЫСЛИ

СБОРНИК ЛЮДОЛОГИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЙ (ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ)

Рустам Чернов

**Луді мысли. Сборник
людологических сочинений
(доклады и статьи)**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

Ludi мысли. Сборник лудологических сочинений (доклады и статьи) / Р. П. Чернов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939044-8

В сборнике представлены доклады состоявшихся научных конференций и статьи (до 2002 г.), посвященные лудологии (ludo –играю, logos-знание) как форме познания. Проиллюстрирована универсальная применимость лудологии в решении проблем познания, истории, политики, информационной безопасности, языкознания, этнографии, государственного управления, обучения в высшей школе... Издание будет полезно лудологам, методологам науки, философам и всем неравнодушно мыслящим.

ISBN 978-5-44-939044-8

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

Сочинение №1. Приглашение1	6
Сочинение №2. Игра — объект или предмет анализа?2	8
Сочинение №3. О некоторых формах познания. Лудологическое эссе9	14
1. О методе познания	14
2. О предмете познания	17
3. О предмете и методе лудологии	22
4. Сущность игры	23
Сочинение №4. О предмете лудологии. Краткий очерк15	25
1	25
2	27
3	30
Сочинение №5. О методе лудологии16	33
1. Предварительные замечания	33
2. Понятие игры	35
3. О формах восприятия игры	37
Сочинение №44. Формирование межнационального познания на основе лудологии21	38
4. Общие начала методологии	41
5. Заключение	42
Сочинение №6. Формирование пропедевтики познания на основе лудологии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ludi мысли
Сборник людологических
сочинений (доклады и статьи)

Рустам Павлович Чернов

*Просвещение внедрять с умеренностью,
по возможности избегая кровопролития.*
Михаил Салтыков-Щедрин

Иллюстратор Джон Сингер Сарджент

© Рустам Павлович Чернов, 2026

© Джон Сингер Сарджент, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-4493-9044-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сочинение №1. Приглашение¹

Казалось бы, сегодня общеизвестен и повсеместно не отрицаем тезис старика Канта о зависимости свойств представления о предмете от субъекта познания. Кант «вычислил» константу данной присущности, приписав ее свойственность атрибутики бытия, расставив все точки над всем и вся в области доступности критическому познанию.

Разумность нашего времени диктует нам постоянную необходимость отречения от всего над чем мы так властны, сладострастно властны. Ницше прежде всех почувствовал волю к разумности — *отказаться от морали, чтобы жить ею*. Самое сверхчеловечное, что позволительно человеку в прошлом, перешедшему через шаткий мост заикленности ценностей. Суть перехода, суть ценности — не смотреть в пропасть под собой, не думать о потерях и вечно обеспечивать безопасность собственности, шаг за шагом преодолевая страх падения.

Страх рождает самое дивное чувство — необходимость действия мысли. Поппер понял природу социума так, как ее понял бы только индивидуальный субъект познания: власть, любовь, голод — кредо любого, кто есть общественное животное.

Само общество удивляет индивидуума неожиданностью глубины познания — право, обычаи, традиции, мудрость коллективизма, «нормы ненормальности», заложники неудачных попыток определения собственного «Я» и... перечень вряд ли конечен.

Современность информатизированного общества, являясь тенью будущего развития, уже поражает умением задавить все личностно — индивидуальное. Интернет содержит все, что есть, но ничего, что не имел бы и твой сосед, подобный тебе, все общее до невозможности.

Поднимаясь до критических пределов там, где только мысленно возможно существование, где только и есть мысль, а больше только сплошь возвращения к способности мысли, невольно понимаешь, что вопросы познания порой намного проще, чем кажутся. Но вот парадокс, они проще только *там*, в области мысленного, мыслительного, в эмпирически заданных рамках все становится логикой абсурда... в уличном споре всегда побеждает почему-то лом, а не философия Иммануила Канта.

Мысль о времени становится преткновением жизненного самоопределения. Иногда спрашиваешь себя, как ты посмотришь в лицо вечности последнего мгновения, будет ли что оголять, в момент сбрасывания маски?

Карл Юнг первый стал *лечить* вопрос индивидуальности судьбы, признав за ним сильнейшее свойство разрушения Эго. Он же четко определил — чувственная персонификация в деятельности — лучшее, что может быть для больного, заглядывающего в смысл собственной предначертанности. Звучит почти как трудотерапия Карла Макса, — труд сделал человека человеком... совсем близкое к реальности: Уголовно — исполнительный кодекс, исправительно-трудовая деятельность, куда уж ближе...

А как приятно потреблять вопросы философии в готовом безопасном виде, а? Вечные истины, рукописи не горят, любовь вечна, родина — лучшее, что может быть, индивидуальность — главное, семья — оплот спокойствия...

Эрик Берн один из первых, кто заговорил о спокойствии с точки зрения экзистенциальности самоопределения человеческого. Человек как система, стремящаяся к снижению внешних контактов — раздражителей, как система, стремящаяся к самодостаточности самое себя из самое себя...

Пределы замкнутости для познания, Иммануил Кант — трансцендентность. Артур Шопенгауэр — представление. Средний «субъект познания» — свой интерес. Государ-

¹ Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. А. Л. Бойко — Ростов-на-Дону, РГУ, 2000г- Вып. №8 стр. 98—99

ство-суверенитет, право — результативность, любовь — взаимность. Язык — смысл передачи (значение) ... но выходя на улицу голодным и вдыхая аромат кондитерской, вряд ли можно полностью запретить самое себя воспринимать мысль о венских булочках или вкусностях другого толка — чувственное склонно к самовоспроизведению самое себя в мысли о предмете чувства, но сам предмет вне мысли о себе не будет чувствуем сознательно как неизвестен чувствам бог, так неизвестны нам и мысли бога...

Христианство впервые смогло увидеть бога глазами простого сметного, выковав из неизбежной пропасти смысла — девять острых простых заповедей, бог стал универсально потребляем сознанием всех, а не чувственным страхом всякого перед наказанием...

Так что же сильнее и реальнее в этом мире: чувственное или мыслимое?

С одной стороны лом и улица... с другой стороны, Иисус Христос, Джордано Бруно, Сократ — *жизнь за мысль*. Чуть поодаль — мысли о должном самого широкого круга лиц — мысли общества, конституированные в норме права, стабилизированном представлении о должном и необходимом — то, на основе чего выносятся смертные приговоры, лишают свободы, разбивают судьбы...

Достоевский впервые рассмотрел противоборство мыслимого в чувствуемого в пределе критического противостояния «Я — Общество», но Раскольников проиграл самому же себе — он раскаивается, и Соня здесь вряд ли виновата.

Каждый человек с первых дней сталкивается с суррогатом противостояния мыслимого и желаемого. Дети. Они заложники противоречия *собственных желаний* — *чувств* и родительских мыслей, стандартов общего поведения. Человек обречен на противостояние своего настолько близкого и родного, своих чувств и мысли о чувствуемом; от того насколько мыслительное субъекта покорно общественному зависит гармоничность индивидуума и всего того, что к нему не относится, то что ему предоставлено называть обществом, государственным интересом и так далее.

Именно в этих рамках лежит вопрос личной истории, личности в истории. Кому интересно дальнейшее? Если Вам — да, то добро пожаловать в школу людологии, она ответит...

Сочинение №2. Игра — объект или предмет анализа?²

Казалось бы, постановка вопроса именно в таком виде не имеет права на существование: как можно с помощью игры осуществлять познания, может ли игра быть методом познания? Это первичные вопросы обсуждения, которые мы полностью поддерживаем в области однозначности понятия методологии, метода. Но за этой однозначностью, углубляясь в вопросы критико — философского плана методологии познания, мы внезапно среди всех прочих форм сомнений и теорий, вдруг сталкиваемся с эмпирически заданным фактом в отношении нашего вопроса. Игра как область бытия методологии, более того, игра как то, что и есть метод познания, метод структурирования знания. Данный факт застаёт нас везде, начиная от играющего ребенка, и трактовки его бытия через теорию игр³, и заканчивая высокосложными формами познания в рамках высшей школы, которые так же обретают себя в форме непосредственной игры (экзамены, деловые игры и прочее). Далее мысль увлекается историческим аспектом проблемы, и мы уже не можем найти какой-либо эпохи, какого-либо народа, какого-либо человека, который бы смог избежать в области коммуникации (корреспондирование значения как части познания) игрового элемента. Маска сатира в Греции (*per* и *sona*), священность писцов Египта, агональность софистики, пайдейя, алхимика и прочее, и прочее. Факт застаёт и ошеломляет. Известное, но не осмысленное — человек лжет порядка 200 раз в день, каждый человек⁴, игра это или все-таки та самая серьезность? А то, что известно каждому: несколько смоделировать, приукрасить, внушить себе... Платоновское *пока ты знаешь, что ты играешь, ты честен*⁵... А судебные процессы, а парики, а мантии, а невинная игра, а любовь, ухаживание, а ...перечень вряд ли конечен. Игра застаёт всюду, игра видится везде, и вы уже готовы воскликнуть «мир — театр, а *ludi* в нем актеры», но что-то вас останавливает. Останавливает само познание, трансформированное в своей статике в знание о тысячах преступлений, о сотне тяжелых ситуаций, прошлое, безрадостное настоящее, коварство, месть, предательство и прочее — мир полон тайнства идей и самой острой грусти. И это тоже игра? Противоречие со временем с углублением в него, превращается в неразрешимое: в отношении любого предмета познания можно с одинаковой степенью уверенности констатировать, что сама форма существования данного предмета, как неразрывно связана с игрой, так и не имеет к игре никакого отношения. Выход, который находит рассудок — дифференциация самого понятия игры, нахождения тезауруса игрового для того или иного явления, классификация и прочее (Э. Берн), но опять же, при большем приближении оказывается, что приходится заново классифицировать мир, но только при этом приписав ему игровое значение, поставив его в область игрового, классифицировать, как игру. И вот уже ваша позиция, как это обычно бывает при недоказуемости тезиса рассуждения, превращается в личную веру и убежденность, появляется субъективная аксиоматичность бытия суждения, трансформирующаяся в субъективность доказательства.

Конечность суждения нетрудно пролонгировать каждому — изолированность убежденности и апеллирование все к тому же рационализму, использование удвоенного предмета анализа в доказательстве метода познания, или наоборот.

Сделать из игры «вещь в себе», или свести к игре ума в области невыражаемого через вербальность — практически все, что доступно для всестороннего универсального анализа, современно — научного анализа.

² Рустам Чернов: Библиографический указатель/сост. Швидченко — Ростовн/Д: Изд. «ЦВВР», 2001

³ См. об этом например Э. Берн «Игры в которые играют люди. Люди, которые играют в игры», Санкт — Петербург — Москва, 1996г.

⁴ См. об этом газета «Здоровье» №38 сентябрь 2000г, «Ложь во спасение».

⁵ До нас дошел перевод, *пока ты знаешь, что ты врешь ты честен*, но он — неверен.

Нам видится возможность несколько другого подхода в познании игры.

Прежде всего, посмотрим на проблему как на содержание внутреннего и внешнего по отношению к самому познанию. Первое, что я делаю: признаю себя полноценным изолированным субъектом познания, то есть таким субъектом, самодостаточность которого в области мысли совершенна, — ведь могу же я высказывать суждения о мире, оставшись один из всего мира? Этакое чудо Робинзона Крузо. Второе — ограничиваю область познания. Данная область, очевидно, изолирована рамками:

1. Известного мне, как субъекту общей возможности познания на момент признания совершенным (скорее уже завершённым), — складывается из области достигнутого человечеством в области мысли на момент моего признания. И того, что есть интуитивного в познании, — все то знание о незнании, которое приобретается мною, как частью когнитивного предела познания.

2. Разницы, складывающейся из доступности в рамках «здесь и сейчас», и областью вычитания возможного познания массы вариантов развития ситуаций познания для тех, кто на момент моего признания себя субъектом полноценного (завершённого познания) находился в процессе становления своих научных разработок, их корреспондирования и прочее. Ведь Тойнби учит тому, что исторические процессы имеют форму стремительно развивающейся неизвестной болезни — к своему завершению они не только вбирают в себя причинность, уничтожая ее для отдельного познания, но так же и обескураживают врачей, выставивших ошибочный (как правило, для истории) диагноз при начале заболевания.

3. Спрашивается, могу ли я в данной области произвести анализ игры таким образом, чтобы результаты данного анализа могли быть пролонгированы мною в отношении:

1. Неопределенного будущего.

2. Настоящего и прошлого, в том числе и недоступного моему познанию, в силу простого незнания о возможности познания именно в данной области.

Ответ может быть отрицательным только в том случае, если область моего интереса расположена в непосредственной причинности социума, как часть социума, то есть то, что существует, как минимум, при двух субъектах познания, при одном субъекте — меняет свою экзистенцию в качественности познания и субстрат. Можем ли мы сказать, что именно таким объектом является игра? Игра как общественный объект. Как то, что существует только в отношении двух и более лиц; как то, что никогда не может совпадать в качественности своего познания, при анализе у двух и у одного субъекта. Как то, что не может быть представлено вне социума, имманентно присуще ему? Именно здесь предпочитаем обратиться к опыту наших коллег, и находим обескураживающее, точное «нет»⁶. Более того, в области возможности определения человеческого можно ответить, что игра ни при каких обстоятельствах не может быть отнесена к продукту деятельности человека в универсуме истолкования своих значений.

Игра является именно тем, что может существовать не только в области одного человека (правда человек ли он, если он совершенно один?), скажем точнее, в области одного единственного субъекта познания, но и в области отсутствия вообще человека. Можно даже сказать, что это именно то, что есть мостик между животным и человеком, если бы не закон обратной перцепции (человек находит в животных исконно человеческие черты, или то, что необходимо присутствует и в самом человеке).⁷

⁶ См. полемику и точное отрицание фактора социальности для игры в труде Й. Хейзинга «Homo Ludens», Москва 1992г. стр. 9—10.

⁷ См. об этом Чернов Р. П. «Представление о животном как проекция знания человека о самом себе»// Материалы межвузовской конференции «Братья наши меньшие», Санкт — Петербург, СПбГУ, 2001г.

Итак, выполнив предписание хитрого дельфийца, оставив из объектов познания только самого себя (или расширив самого себя до когнитивного предела), обратимся к той самой дилемме, которая обозначена в заглавии нашей работы.

В чем отличие игры в случае признания ее объектом исследования и в случае использования игры, как метода познания. И вообще правомерна ли такая постановка вопроса в области корректности изучения, исследования?

В случае, если мы признаем игру предметом (объектом) исследования, нам необходимо ограничить (задать границы) восприятия предмета. Чем может быть ограничено восприятие? В первую очередь, как известно, способностями субъекта исследования. В нашем случае мы исследуем игру в отношении «Универсум — объект». Итак, в данной связи игра предстает как объект познания, ограниченный универсумом знания.

Выступая как предмет познания, она необходимо должна быть исследована в части самое себя, либо целостно. Познание, выступая, как форма отношения между предметом и объектом познания, по качественности оценки, устанавливается в данном случае через идеальное начало (умозрение), так как эмпирическая проверка в рамках нашего эксперимента вряд ли возможна, как впрочем, и в режиме реального процесса — игра вынесена за пределы материального субстрата, эмпирическое познание здесь теряется в догадках (все та же изолированность).

Выступая предметом, игра ограничена свойствами, при этом теми из них, разрушение, или утрата которых влечет за собой невозможность констатировать бытие (вплоть до возможности высказывания по данному предмету). И что же нам приходится делать? Нам приходится прийти к необходимости выделения именно *игры как игры*? Помните, мысль должна быть последовательна в процессе своего высказывания? Итак, что же есть то, что только и есть игра и ничто более? Множественность форм возможного определения поражает: сначала воображение, затем рассудок. Интересно то, что даже в области мысли, в области одиночества и схеме перцепции «мысль — мысль», нам приходится констатировать все то же противоречие очевидности, с одной стороны, все, что бы мы ни рассматривали, с одинаковой степенью достоверности можно признать игрой, и с одинаковой степенью достоверности этому можно подобрать опровержение.

Невольно вспоминается характеристика бытия в возможности по Аристотелю, а именно — та область бытия, в которой каждое из противоречий имеет одинаковую возможность существования в области актуально сущего.

Невольное сравнение выводит нас на достаточно удачную формулу познания. А именно, что есть критериобразующее начало в предметности суждения о чем-либо, в частности, — об игре? Не несу ли я, как заверченный субъект познания, с собой формы снятия противоречий, которые в области мысли лишь воспринимаются, как отражение реального, но на самом деле с течением времени утрачивают актуальность для познания: то, что обычно бывает свойственно философам — переоценка ценностей. Действительно, может ли игра существовать идеально, именно, как идея, как то, что не находит перехода в действительность, помимо реализации самое себя, при этом, качественность данной идеи не претерпевает изменения — то есть полностью идеальный субъект, на идеальность которого воплощение в действительность никоим образом не влияет. Представим себе, что в природе вымрут все уссурийские тигры, что от них остается в конечном счете? Именно идеальное бытие, память, образ, то, что было в свое время бытием в возможности, переходящем в действительное (чувственная перцепция, контакт с данным тигром), а теперь только бытие в возможности (бытие мысли, идеальное бытие) данного животного, которое может переходить в чувственную перцепцию только в части реализации восприятия самореализованного относительно самое себя бытия в возможности (кинофильмы, картины, рассказы об уссурийских тиграх и прочее). Таким образом, бытию уссурийских тигров как целостной парадигме бытия, при исчезновении самих тигров с лица земли, будет нанесен ущерб. И этот ущерб будет называться изъятием из парадигмы бытия актуально сущего,

субстрата предмета, данного в рамках чувственной перцепции, при точной вневещественной идентификации предмета чувствования.

Возможна ли подобная ситуация для игры? Можно ли сказать, что игру можно лишить субстрата? Лишить бытия в действительности, воплощения? При всех формах высказывания мы не можем позволить себе такого допущения, по той простой причине, что ни с каких точек зрения данная ситуация невозможна. Даже если отказаться от всех форм *игр как игр* (заметим как множественность сопутствует понятию игры, порой это даже неотличимо). Мы приходим к тому, что игра всегда есть, она сопутствует способности бытия, способности быть. Это то, что невозможно свести к субстрату, к форме, что нельзя ограничить рамками, и формами, она есть, как заданная способность, но при этом вне определения и не связанная рамками настоящего. Игра есть, пока она есть, но когда ее нет, это не означает, что она отсутствует, как игра. Она есть, но только... не в рамках нашего «здесь и сейчас», и именно это и есть принцип удовольствия, именно это и есть сердцевина обидного «вы — вне игры», вне бытия, вне нашего круга, не с нами. И вообще, чем больше вы вне, тем меньше Вас.

Игра как потенция, игра как способность, игра как желание состояния игры, состояния удовольствия, азарта — тезаурус ли это определения игры? О нет, конечно нет. Мысль подсказывает нам, что и сама она тоже игра, только игра еще более интересная, в которую можете поиграть только вы один: ваши мечты, иллюзии, самообманы, уверенность и прочее. Наконец, именно игра восстанавливает мысль, как бы возвращая ее к самой себя через форму обретения самого себя)

Где-то искаженный принцип логики шепчет: не игра в представлении о ней через формируемое ею представление, а форма, возникающая благодаря игре, через игру. Да, действительно, почему не допустить возможность изучения не игры, а формы явления при том, что игра есть заданное для этой формы. Соответственно через игру можно познать форму, так как игра, как минимум, входит в часть тех признаков формы, уничтожение которых влечет за собой разрушения самой формы (сущности явления)? Таким образом, игру можно познать через познание на основе явления, которому эта игра присуща как начало формообразования? Вопрос, верность ответа на который, зависит от точного знания вопросов структуры бытия. Ибо именно через структуры бытия чего-либо можно определить частичность игры в данной форме бытия, а, следовательно, и утверждать, что игра есть метод познания мира.

Рассмотрим возможность понимания игры в контексте хаотичности и стабильности процесса познания. Как мы уже отмечали, презумпция изолированности, отдельности познания игры как самостоятельного объекта познания влечет за собой бесконечное удваивание предметов познания, при том, что в целом данное удваивание также означает возможность противоречия ему: с одной стороны, — все игра, с другой стороны, — все, в чем признана игра, есть в то же время и внеигровое. Причем здесь нельзя сводить все к противостоянию проблем «игра — серьезное», так как последнее выступает все же имманентностью объекта, за которым может быть признана самостоятельность, а игра, пока, нами самостоятельной категорией бытия не признана.

Но в случае рассмотрения игры как объекта познания, нам необходимо принять во внимание то, что игра существует в некоторой области изолированно, как универсум данности восприятия. Эта множественность понятия — игры. Теория строится следующим образом: если мы изучим тезаурус игрового, как игр, то мы можем говорить о познании игры... Ошибочно, так как любая игра — произвольно изменяемое явление на основе договоренности (либо полной произвольности в области мысли одного человека) участников. Таким образом, следует признать одним из основополагающих признаков познания игры — ее изменчивый характер; более того, хаотичный характер по отношению к любому моменту настоящего при анализе ее как самостоятельного явления. Хаотичность познания. Плюс то, о чем мы говорили, — игра

в представлении через сумму явлений (понятий абстракций), которым возможно приписать свойственность игрового, игры.

И, конечно же, необходимо принять во внимание еще и средства выражения — например, язык. Является ли язык игровой формой, игрой? Тысячи раз да, и тысячи раз нет⁸, скажем так: хаотичность познания игрового элемента складывается таким образом, что не было дано ни одного объяснения, определения игры, которое стало бы вторичным и идеальным бытием данного «предмета познания», то есть таким бытием, знание которого необходимо в отношении познания самого «предмета познания». Иными словами, игру как вынесенность за конкретику правил непосредственной конкретной игры (опять что это такое?), нет необходимости специально изучать, и нет той области, которая была бы срезом познания в данной предметности, как например, в отношении других объектов реальности (профессия — необходимая сумма идеального к реальному). Отсутствуют алгоритмы познания, схемы познания игры, так как все это не нужно, ибо всегда можно непосредственно обратиться к эмпирическим формам познания — стать участником той ли иной игры. И заметим — понимать игру (конкретную), вне формы участия в ней, так же невозможно (попробуйте теоретически, ни разу в жизни не используя карт, поиграть в покер, сами с собой, так сказать, теоретически, испытывая при этом азарт и прочее).

Игра выступает как синкретичное соединение идеального и реального? Та область, которая практически столь же реальна, сколь и идеальна на практике? И, конечно же, игра как метод познания, как то, благодаря чему возможно прикосновение к идеальному началу бытия, а, следовательно, уяснение значения той ли иной парадигмы бытия, проникновение в сущность предметов, ведь в них всех есть игровое начало, хотя бы в вербальной перцепции? А все остальное — разница точек зрения (для кого серьезно, у кого ветер в голове, кому вообще все кажется забавным в этом мире)?..

Нет, это слишком соблазнительный путь познания, во многом либеральный, во многом желательный для «скептиков от души», но все же неверный. Игра по той же причине, по какой она не может быть воспринята как самостоятельный объект познания, не может быть методом познания. Игра может быть объектом познания в мысли об игре, но это всегда выхолощенное представление, проигрывающее непосредственности эмпирического восприятия, проигрывающее объективности игры, ее сущности как факта реальности. Как метод, как то, что делает возможным познание, как методология познания, игра не существует, так как не существует возможности первичного исследования игры, с таким расчетом, чтобы создать непреложность представления о ней, которое можно было бы сделать аксиоматичностью, а, следовательно, — критерием познания. Получается все тоже дублирование значений через удвоение предметности познания.

Игра может выступать как элемент метода познания, при том, что в самом данном методе содержится универсальная элементность познания, то есть метод отвечает всему кругу возможного в пределе конечности познания.

Понимать игру, как часть такого метода, — задача будущего, возможно будущей науки. Но преимущества такой методологии, в случае ее разработки, можно спрогнозировать уже сегодня (как это сделано, например, в рамках лудологии уже сегодня).

Первое, что удастся сделать на основе такой методологии — это вскрыть законы структурирования материи в форму, то, благодаря чему материя (мысль) переходит в форму. Можно будет описать тезаурус методов и приемов, благодаря которым происходит данный переход, что позволит структурировать и прогнозировать развитие социальных процессов.

Вторым достоинством является несомненное отсутствие удвоения значений применительно к пониманию того или иного круга явлений. Не придется постоянно тащить за собой

⁸ см. об этом, например, Н. Луценко «Язык-ритуал-игра»// «Философия языка: в границах и вне границ», Харьков 1999г.

хвост игрового начала (как в случае анализа самой игры, исходя из признания игры объектом исследования).

Являясь прекрасной эмпирической базой, игра как структурный элемент метода, как познанное и функционально определенное начало, позволит отказаться от обременительного, некорректного доказывания того или иного положения через сумму эмпирических фактов его якобы удостоверяющего. Формообразование значения, не имеет ничего общего с доказыванием его в рамках теоретизирования на заданную тему.

Если «игровой метод» познания реальности будет создан, то он позволит совместить в себе как методологические, так и методические основы (познание через приобщение к игре, через игру).

Познание станет не только уяснением фактов и сведений о предмете, которые стали известны в процессе снятия информации к определенному моменту на отрезке времени, а формой живого (с точки зрения эмпирического опыта, школы жизни) уяснения причинно-следственных связей идеального и реального в их взаимодействии.

Таким образом, в будущем, на основе изучения игры, в составе метода познания, использующего последнюю для познания явлений, можно будет создать достоверную пропедевтику приобщения к знанию универсума явлений. Для этого в будущем предстоит определиться с ролью игры в познании и формообразовании значения того или иного реального начала, общими алгоритмами данной функции (если будет доказано ее наличие), конечными пределами познания (сфера бытия значений).

Перспективу данной методологии вряд ли можно переоценить (тот, кто будет владеть таким методом, сможет сделать из обычной интриги форму структурирования новой социальной материи, формы).

Ludo ergo sum! Sapienti Sat!

Сочинение №3. О некоторых формах познания. Лудологическое эссе⁹

1. О методе познания

Существование человека предполагает ежесекундное самоопределение, самоотчет. Без знания о самом себе человек существовать не может, это знание мы черпаем из тех установок, которые мы впитали в себя с того периода, когда даже не самоосознавали себя вне своего имени. Это знание является нашей природой, которая определяет качество и характер всего, с чем мы сталкиваемся в мире. «Самостоятельная» оценка того или иного внешнего или внутреннего «предмета» называется приобретением опыта, то есть такого знания, которое получает чувственное подтверждение через личное взаимодействие. Мы склонны верить в наши природные установки постольку поскольку личный опыт подтверждает положения, которые вытекают из них, — как только наше чувственное входит в конфликт с общетеоретическим, мы подвергаем сомнению последнее и переоцениваем наши установки (те схемы, благодаря которым мы способны оценивать «предметы данного мира»). Степень отличия конечного результата есть показатель того насколько хорошо был воспитан тот или иной человек, насколько хорошо он усвоил то, чему его учили. Если *норма ненормальности* не соблюдена личностью, общество в лице хорошо воспитанных индивидуумов начинает заниматься перевоспитанием, форма которого может быть весьма различной, начиная от родительского окрика и заканчивая приговором суда...

С самых ранних эпох отдельные умы человечества заняты определением критерия человеческого бытия, который бы позволил с достаточной уверенностью объяснить закономерности существования, стабилизируя хаотичность окружающего. Парадокс, порождающий апорию заключается в том, что определение человеческого пытаются вывести из самого человеческого, что невозможно, как невозможно различать черное на черном фоне. Философы первыми поняли это, избрав методом познания созерцание, основанное на дистанцированности от всего, что не есть философия. Философ — это всегда одиночка, внутренний мир которого в будущем становится «установкой» многих. Философия — это убийство всего того, что было привнесено в тебя не тобой самим, это вечная борьба с общественным «надо», это вечная усмешка и презрение по отношению ко всему, что придумано не самим тобою... Результатом этой жизни «только для себя» является формирование личного мира, личного восприятия и понимания мира, которое только потом становится «новым» и уж совсем потом — «обычным», общетеоретическим. Итак, метод философии предполагает:

— Осознание себя избранником, дистанцирование самого себя по отношению ко всем, ко всему человеческому.

— Направленность познания на мир в целом, здесь принципом является следующее: необходимо создать такую систему, которая бы полностью охватывала бытие человека, объяснило его, чтобы вне ее не было ничего человеческого.

— Спокойствие, которое достигается не участием ни в чем другом, кроме рефлексии.

Целью данного метода было удаление от человеческого, выход за его рамки, который бы позволил со стороны взглянуть и определить человеческое. Философ и обычный человек в своих взглядах на мир похожи на двух любителей картин, писанных маслом: один стоит, наблюдая поодаль, другой — в 3-х сантиметрах...

⁹ Рубикон: Сб. научных работ молодых ученых/ Отв. ред. А. Л. Бойко- Ростов н/Д: РГУ, 1999г-Вып. 5, стр. 9—18

Философия могла родиться только в условиях мифа, из самого мифа, ибо философ по сути делал то, что ранее жрецы — конституировал бытие, называя его. Существование человека ограничено кругом известных ему вещей, формирование данной известности достигается путем «называния» предметов. Вне того, что известно — нет бытия, есть пугающая неопределенность, которую необходимо устранить, оформив ее через знание о ней — такова, например, сущность и причина мифа о загробной жизни. Заметим, что и само слово «неопределенность» тоже является «называнием», требующим (необходимо требующим) детализации в дальнейшем.

«Ошибкой» философии (если в истории вообще бывают ошибки) является то, что она так и не осознала, что отрицание сущности еще не избавляет от нее — нигилизм в отношении предшествующего не является условием выхода из круга человеческого, он есть лишь переход в новую его сферу, сформированную на основе «называния» тех неопределенностей, которые возникают после отрицания уже известного. Именно поэтому кантовское «сколько философов — столько философских систем», к сожалению, неоспоримо истинно.

После того, как взгляды философа получают универсальный характер и становятся доступны для восприятия неперсонифицированного кругом лиц, можно говорить о рождении нового мира, вернее того, что будет определять мир. Вспомним: «Друг мой, я три раза читал Аристотеля, у него нет упоминания ни о каких пятнах на солнце, а, следовательно, их не может быть»...

В чем функция философии? В том, что она снимает противоречия, возникающие в сознании всех (общественное бытие и возможности) и каждого (индивидуально — определенное бытие в возможности). Изначально эту функцию выполняет язык, затем архаичная культура, выражающая себя в тотемах, мифах (которые являются автоматической стабилизацией: имя — предмет) и только затем философия. Отметим, философия в этом понимании родилась только с появлением Аристотеля: он первый сделал акцент на этом¹⁰, и он же разработал форму, благодаря которой стало возможным не механически «называть», а создавать целостную систему мировидения — логику, придав ей статус необходимого условия знания вообще. С этого момента философия стала продуцировать мировидение человеческого.

Апогеем философского знания, как странно бы это ни казалось, является средневековье, а точнее церковь с ее догмами христианской морали. Еще точнее — средневековый монах это тот же философ; форма осталась та же, изменилось содержание, в остальном же церковь полностью унаследовала традиции и методы философии — отрешенность, универсальность познания, *modus vivendi*, верность форме структурирования знания¹¹...

Эпоха философского, эпоха формирования чувственного через разумное закончилась с появлением науки. Причиной этому стало то, что знание человека о самом себе приобрело довольно противоречивый характер — к началу XVII века бытие в возможности представляло собой истинный лабиринт, в разных частях которого человек и мир его окружающий представлял то «белым», то «черным», приходилось признавать истинными диаметрально противоположные взгляды, так как каждый из них соответствовал условиям истинности... или же воевать за свои убеждения (которые оказывались своими в зависимости от того какое воспитание получала личность).

Сущностью науки явилось то, что она конституировала мир диаметрально противоположно философии. Философия оформляет мир по принципу «от противоречия мысли к единству чувства (опыта)». В первом случае через общую систему называется любая конкретика, во втором хаос предположений снимается через конкретику, являющуюся непосредственным чувственным восприятием, которое фиксируется на вербальном уровне и через известность

¹⁰ Аристотель. Метафизика. -Ростов-на-Дону, 1999, стр. 9

¹¹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. -М., 1993, стр. 819

неперсонифицированному кругу лиц становится «возможностью», «вещью для человека», то есть расширяет круг человеческого.

Таким образом в истории человечества лежат две формы познания, две формы, которые конституируют человеческое: первая производна от способности самоосознавать себя человеком (хаос чувственного восприятия порождает необходимость однозначной интерпретации), вторая — от необходимости снятия противоречий бытия в возможности через опыт, который по своей природе является реализацией мысли...

2. О предмете познания

И философия, и наука, несмотря на различие в методологии, имеют своим предметом одно и то же явление, имя которому человеческое. Что такое человеческое? Это тот «круг», вне которого мы не можем себе мыслить бытие чего-либо. Действительно, можем ли мы знать то, что не может быть понято нами по своей природе? То, что лежит вне нас самих? Ведь мы ощущаем только то, что возможно чувствовать, знаем только то, что уже знали другие, то, что было известно до нас, то есть то, что может быть воспринято нами на основе подобия тем, кто воспринимал это до нас. Существует для нас только то, о чем мы знаем. Ведь какой-либо человек, который вам не известен, для вас и не существует. Все существует в форме определенной уверенности, продуцируемой общественным, в форме знания; или знания о незнании (неизвестности, существование которой есть условие, возможность, для будущего бытия).

Трагедия человеческого состоит в том, что оно определяет себя, исходя из самого себя, навязанного ему общественными нормами. Это все равно, что находиться внутри большого круга — никогда не узнаешь, что имеешь дело именно с кругом, так как необходимо будешь наталкиваться на линию, убегающую в бесконечность...

Надо понимать, что мы можем видеть только то, что заложено в нас, только то, что было до нас... Только в этом случае возможно правильное понимание платоновского «знание есть припоминание». Человек существует только как идея, которая находит свое подтверждение в каждом, кто знает о ней. Проведите эксперимент: возьмите сотню младенцев и вместо слова человек употребляйте на протяжении всего их роста и воспитания слово «бамбук»; как вы думаете кем они будут, когда вырастут? Кем они будут себя осознавать?

Человеческое всегда стремилось к тому, чтобы сохранять форму знания, ибо именно эта форма есть залог бытия человека вообще. Каждый, кто выходил за эту форму непосредственно угрожал самому понятию человека вообще, ставил под сомнение (а значит дестабилизировал) те или иные сферы жизни или человека в целом; именно поэтому общество всегда с ненавистью воспринимало таких людей, уничтожая их (так было с Сократом, Аристотелем, Бруно, Галилеем, Ницше...).

Мир бытия человека представляет собой двойственность бытия: в «возможности» и в «действительности». «Возможность» — это бытие мысли, это декартовское *cogito ergo sum*. И действительно: нет ничего в области чувственного, что не имело бы своего названия, не отражалось в мышлении. Когда мы сталкиваемся с ощущением, которое не можем объяснить себе мы неизменно испытываем беспокойство, доходящее порой до откровенной фрустрации. Так, например, люди говорят о любви только тогда, когда уже исчерпаны все другие понятия, и «любовь» остается последним рубежом обороны разума перед чувственным. Сущность психоанализа состоит в том, чтобы объяснить, назвать человеку то, что он сам не может интерпретировать на уровне своего сознания, то есть сформулировать его бытие в возможности, точнее устранить то, что мешает ему формироваться естественным путем по принципу зеркальности — «вижу» только то, что «знаю». Данные знания, как мы уже отмечали, приобретаются нами в процессе воспитания (в самом широком смысле этого слова) на основе инстинкта подражания.

«Возможность» охватывает любое мыслимое, человек предстает как понятие, имманентно присущие качества которого определяются в зависимости от объема мыслимого вообще, от степени познания окружающего. Так, в архаичных культурах то, что мы сейчас называем человеком было представлено в форме имени — той суммы должных и возможных действий, которые определяли существование его носителя на протяжении всей жизни, тем самым стабилизируя его бытие среди себе подобных, которые знали о нем, о том, что он может и должен делать, и что делать ему запрещено, через восприятие его имени (М. К. Петров). В дальнейшем имя трансформируется (по мере расширения «возможности») в профессию,

общие понятия (например, гражданин), и, наконец, в Человека (не путать с К. Ясперсом, теория Осевого времени).

Бытие в возможности в основном не осознается человеком, ибо является ему имманентно присущим — даже Аристотель, родоначальник данного деления бытия, усматривал в «возможности» предшествование действительности, говоря о возможности как о существовании материи. Так, например, мрамор, по Аристотелю, — это материя, статуя — форма. Но задумаемся, что есть мрамор? Без моего знания о том, что *это* мрамор? Он не будет существовать, как для ребенка не существует старости, пока он не узнал о ней, пока ему не назвали старость, не показали ее. Пока что-либо не может быть воспринято людьми — этого нет, это если угодно «вещь в себе». Понятие «мрамор» есть бытие в возможности, действительность которого представлена стабильным предметом (то есть таким, чувственное восприятие которого остается неизменным). Стабильностью является то состояние, когда определенная часть нестабильности вообще принимается в качестве основания постоянства, противостоящего в дальнейшем всему, что в него не входит (не — стабильному). Многообразие языковых форм объясняется прежде всего различием в чувственном восприятии. Если вспомнить архаичную культуру с ее пониманием языка как средства дающего власть над так называемой «неживой природой» — посредством «заклятий», то мы необходимо приходим к выводу о том, что «возможность» родилась из необходимости стабилизировать отношения между людьми на основе идентичного восприятия окружающего — так рождается язык, который, как раз и является тем самым восприятием, не терпящим никакой двойственности и многозначности, неизменно однозначно детерминирующий значения.

Язык — это возможность, реализация которой построена на символическом, на автоматизме и именно поэтому часто не воспринимается нами, ускользая в сферу привычного и естественного.

Таким образом, *материя о которой говорит Аристотель есть бытие мысли, которая неразрывно связана с действительностью, неизменно обнаруживает себя в чувственном...*

В дальнейшем человечество стремится к стабилизации мысли, ибо сущностью «возможности» является наличие неразрешимых противоречий. В области мысли мы не можем определить, как именно будет существовать то или иное явление, мы неизменно будем упираться в равенство бытия и небытия. Именно поэтому «противоположности — тождественны» (Гегель), именно поэтому Кант выделяет категории, которые, с одной стороны, существуют, а, с другой, существовать не могут: пространство, время и прочее...

Изначально дифференциация мысли есть производное от чувственного восприятия, разница условий восприятия (а она существует до тех пор, пока человек не окружает себя «стеной» цивилизации) порождает противоречия в ориентировании в окружающем мире, которые снимаются посредством совместного существования (стадный фактор). Когда условия восприятия, чувственного восприятия, приобретают форму единого бытия, выражающего себя в однородной многократности для всех и вся, чувственное получает единственно возможное отражение в сознании. Данное «отражение» при условии наличия способа, позволяющего корреспондировать его себе подобным, и есть мысль. Изначально мысль есть действительное автоматическое восприятие, мысль есть символ, то есть равенство идеального и реального; мысль существует только в области чувственного и носит производный характер, выполняющий функцию щита перед окружающим миром. Затем мысль приобретает свойство находить себя не в символах, а в способе своего выражения — языке. Здесь человек впервые становится на стезю индивидуальности, так как получает возможность чувствовать благодаря мысли, получать ощущения из самой мысли, реализованной в действительности не в виде какого-либо «предмета», а в форме процесса выражения. Это ключевой момент человеческого вообще, ибо именно здесь человек впадает в иллюзию того, что он независим от общества, что он сам может существовать, ибо самостоятельно формирует «возможность», которая в дальнейшем детерминирует его чув-

ственное восприятие. Ошибка данного положения заключается в том, что «способ выражения» продуцируется общественным, принадлежит ему. Можно «выпрыгнуть» за рамки своего времени, но невозможно за пределы человеческого, то есть той суммы понятий, значение которых предопределено их восприятием на том этапе, когда человек еще не способен мыслить вообще (младенчество).

Однако именно индивидуализм мысли послужил основой развития того, что мы называем сейчас философией, наукой... Их появление вызвано необходимостью сжимать противоречия между индивидуальным и общественным не непосредственным механическим воздействием, сопряженным с ликвидацией субъекта, продуцирующего данное противоречие, а способом, позволяющим структурировать мысль человека, не воздействуя при этом на него физически, то есть с помощью убеждения. Убеждение есть формирование бытия в возможности человека желательным для субъекта убеждения образом. Первыми этим стали заниматься софисты, которые, однако, приносили больше хаоса нежели стабильности, так как «забывали» формировать должное, необходимое, бытие в возможности, вследствие чего антагонизм между общественным и индивидуальным только усиливался, приобретая при этом форму снятия противоречий в виде насилия — тирании. Аристотель первым дал систему должного бытия в возможности, выделив способы и формы мысли. Таким образом, хаос чувственного теперь не получал своего подтверждения в хаосе мысли через личную «доблесть» интеллекта, а упорядочивался системой, в соответствии с которой что-то имело право на существование (истина, корректные умозаключения), а что-то — нет (некорректные, ложные умозаключения). Это было новой эпохой человеческого, так как теперь стабилизация окружающего осуществлялась не на основе однотипного бытия в действительности, наличие которого исключало противоречия в возможности, а на *снятии противоречий «возможности» в самой возможности, до того, как она будет реализована в действительное*. Логика и явилась способом формирования однотипного бытия в возможности, бытия мысли. Логика стала выполнять ту функцию, которую раньше выполняла сама природа, логика стала структурировать человеческое... Теперь человек мог сознательно творить мир, расширять границы «круга человека», вырвав у случая рок. Он это и сделал ..., правда, забыв при этом, что человеческое есть продукт общественного, духом которого является конституирование изначально удачного частного в догму для всех. Таким образом, мы получаем парадокс: пытаемся определить человеческое, предполагая при этом, что способ, которым оно продуцируется позволит нам очертить его границы с тем, чтобы определить что есть человек...

Все противоречия философии, которые нам так щедро демонстрирует история есть противоречия «возможности», которые приобрели истинность вследствие того, что их создатели находили одно из противоречий возможности достаточно приемлемым для своего эмпирического восприятия. Первым, кто обратил на это внимание был Ф. Ницше. Именно он научил многих понимать философию именно как личное, которое благодаря воле своего создателя становится общим¹²... Философия, изучающая человеческое так и не нашла метода, выявляющего человеческое. Философия определила, что есть философ, но, если вы внимательно присмотритесь к самому себе, то необходимо увидите, что разница между «обычным человеком» и философом лишь в содержании той «возможности», которая демонстрирует его и ваше бытие. Философ лично воспринимает то, что остается для обычного человека в кругу общественного безразличия, в той области, где нет причинной связи. Философ через боль, физическую боль, воспринимает «истины», о которых многим достаточно констатации, точно так же, как любой обыватель испытывает неудобство, когда речь идет об урезании его «куска хлеба». И в том, и в другом случае срабатывает зеркальный механизм: «возможное» реализуется в действительное,

¹² Ницше Ф. О философах. // Ницше Ф. Сборник. -Минск, 1998

но качество «возможности» (если здесь вообще приходится говорить о качестве) существенно разное, как и различны формы существования этих двух типов людей...

Итак, философия сыграла свою роковую роль — расширила пределы человеческого до бесконечного, низвергнув человека в лабиринт, где минотавром является истина. Первым в истории это стал понимать Платон, именно он задумался над тем к чему ведет вообще такая ситуация расширения «круга человека». Спасение, которое он увидел было гениальным по своей природе, оно общеизвестно, но ни разу со времен первой неудачной попытки никто не попытался осуществить его вновь, — это идеальное государство Платона. Учение об идеях есть учение о бытии в возможности как таковом. Сразу оговоримся, следует понимать, что в то время, когда это учение формировалось, любое действие человека было лишь частью общего процесса, который есть божественность, это Фалес: «Все кругом полно богов». Поэтому божественная природа идей для того времени все равно, что наша слепая вера в законы механики сегодня. Платон великолепно описал соотношение общественного и индивидуального, более того — он предложил в своей философии не просто формировать бытие возможности, посредством описания идей (которое, кстати, никогда бы не выходило за рамки опыта, не создавало противоречия между общественной догмой и личным восприятием), но также обеспечивать зеркальность реализации идеи в действительность. Механизмом этой реализации стало идеальное государство, которое гарантировало стабилизацию мира. Идея идеального государства нашла свое «воплощение» только в одном — в «уголовном праве», здесь и жесткий набор идей (составы преступлений) и философы, которые дистанцированы от жизни и занимаются формированием этих идей (законодательная власть), и стражники, лишённые права собственности, поставленные в узкие рамки своей «возможности» (работники правоохранительных органов, ограничения по службе которых в отношении их имущества и есть это отсутствие собственности), и прочие, те, кто всех их обеспечивает — (налогоплательщик). Теория Платона — это форма бытия, которая является самодостаточной в рамках абсолюта и убогой в рамках частности. Последующие поколения так и не поняли, что мерой счастья является не мера получаемого, а степень реализации должной «возможности» в действительность... Философия должна обеспечиваться принуждением, неважно в какой форме, иначе каждое противоречие мысли, реализуясь в действительность, будет приводить в лучшем случае к спору, в худшем — к войне...

«Возможность» всегда реализуется в действительность. Действительность есть все то, что может быть воспринято с помощью чувств. Нельзя назвать действительность формой, здесь мы последуем за Кантом и назовем формой то, «благодаря чему многообразное в явлении может быть упорядочено определенным образом...»¹³, оставляя пока в стороне вопрос что же есть форма. Это вопрос принципиальный, так как, например, Аристотель усматривал форму именно в действительности, но при этом предметом того типа философствования были именно формы, как статика, процесс формирования был настолько автоматизирован, что ускользал из виду и, если о нем и говорили, то только в самом первоначальном смысле, имея в виду первые акты божественного творения, которые в этом контексте были тождественны мифу. Процесс перехода «возможности» в действительность называется *энтелехией* (Аристотель). Здесь следует понимать, что и у энтелехии есть своя возможность, ибо энтелехия есть прежде всего процесс. Но мы привыкли видеть форму именно в результатах процесса, а не в самом процессе...

Дадим краткую классификацию бытия в возможности:

— Первой является автоматизированное бытие в возможности. Это так называемые *символы*. Возможность здесь не осознается, так как является автоматически закрепленной в форме навыка. То, о чем мы говорим есть, например, слова, в которых живет наш язык.

¹³ Кант И. «Критика чистого разума» -Симферополь, 1998, стр. 50—51

— Вторая форма — это «*образы*». Здесь следует отметить несколько основных характеристик: во-первых, это оценочность, проистекающая всегда из двойственности, таковы образы хорошего и плохого, добра — зла, правильности — неправильности. Человек, сталкиваясь с чем-либо, оценивает подчас автоматически насколько для него возможно участие в той или иной форме поведения. Образы делятся на необходимо — должные, которые впитываются нашим сознанием с молоком матери и на те, которые мы формируем самостоятельно на основе взаимодействия с окружающим нас, которое по необходимости вносит свои корректировки в этот процесс. Качество и характер образа всецело зависят от среды его формирования, точнее от тех образов, которые корреспондируют ему свое содержание. Образ может быть, как прописан в рамках закона, права, так и содержаться в так называемых «общеизвестных истинах». Отметим, что в основном образ — это динамика, которая касается только человеческого.

— *Модели*. Модели — это такая совокупность действий, выполнение которых гарантирует определенный результат, состояние. Это и обычная привычка, и простой навык. Модели бывают абсолютно разными, как по способу реализации, так и по количеству субъектов данной реализации. Например, все христианство было примером прекрасной модели, которая гарантировала вполне реальный результат — уверенность в том, что жить можно вечно.

Отметим, что в возможности должны быть детализированы следующие положения:

— Субъект реализации.

— Результат, который показывает, что реализация завершена.

— Процесс реализации, то есть то, что существует между «возможностью» и действительностью (результатом).

Из этих трех пунктов складывается цивилизация, ибо их жесткая регламентация и соблюдение и есть знание о будущем, умение управлять жизнью, предвидение, уверенность в завтрашнем дне и прочее.

Рассмотрим это на Аристотелевском примере мрамора и статуи. Субъектом здесь является скульптор, который знает о себе как о скульпторе, то есть человеке, который в состоянии сотворить статую. Не зная он о себе как о скульпторе, он никогда бы не приступил к процессу ваяния, так как любое его действие отражалось в его сознании через антитезу «правильное — неправильное», что приводило бы к сомнению, результатом которого явились бы депрессия и остановка работы, то есть возможность (которая представлена здесь в образе статуи) так и осталась бы нереализованной. Во-вторых, он знает свой результат — это статуя. «Статуя» — это бытие в возможности (БВВ), представленное образом, то есть набором таких признаков, которые делают ее статуей. Эти признаки есть отражение однотипного чувственного восприятия, любого, кто принадлежит к классу тех, кто знает о том, что есть статуя, то есть тех, кто имеет в своей общей возможности процесс, который есть переход возможности (мысли) в действительность — статую...

Философия рассматривала только возможность человека, продуцируя множество противоречий, наука рассматривала только результаты, сумма которых образовывала новое знание, ходившее по кругу, ибо оно видело только то, что само же и создавало. Людология рассматривает все как необходимо существующее, при этом ставит себя посредством своего метода вне человеческого, избегая ошибки сознать только то, что понимаешь...

3. О предмете и методе лудологии

Что есть предмет познания? Это то, что необходимо предполагается как существующее — познавать означает конституировать бытие чего-либо относительно самого субъекта познания. Познание предполагает наличие метода, то есть той суммы установок, орудий, которые обеспечивают получение знания из предмета познания. Здесь уместна аналогия с процессом зрения. Увидеть, значит знать о существовании, быть уверенным в том, что то, что видишь и есть этот предмет. Методом является глаз... Скажите можем ли мы видеть свой собственный глаз (А. Шопенгауэр)? Видеть его без видения зеркала, вообще чего-либо отражающего?... Степень остроты зрения определяет горизонты человеческого, существование которого всецело и полностью зависит от метода познания, от устройства глаза... За историю человечества можно по пальцам пересчитать тех, кто вырвал у себя глаза общества, создав свое видение, свой мир...

Вопрос пользы и вреда сводится к тому, какой глаз себе вырвать у окулиста — Истории; кто-то становится нищеем, кто-то христианином, кто-то вообще выбирает популярное, общедоступное зрение — профессию, образование и прочее, многие же страдают близорукостью всю жизнь...

Для того, чтобы не впасть в зазеркалье необходим метод, применение которого не связано с самоизучением. Иными словами, для анализа человеческого необходимо знать, что есть *не* — *человеческое*, потому, что анализировать человека из самого человека невозможно. Точкой опоры для лудологии здесь является игра, которая рассматривается именно как формообразующее начало любого явления. Игра есть единственное, что было до человека, она есть то, на основе чего мы можем установить подобие между собою и животными. Итак, предметом лудологии (*ludo* — играю, *logos* — знание) является мир как универсум, а методом — анализ любого явления как игровой формы бытия. Причем игра понимается как форма реализации потенциального в действительное.

4. Сущность игры

Понимание игры как нечто, что противостоит неигровому вообще не выдерживает даже простейшей критики¹⁴. Й. Хейзинга так и не дал дефиниции игры по той простой причине, что игра и есть человеческое. Посмотрите на играющих детей, что вы видите? Игру? Нет, вы видите людей, чье бытие в данное время представляет собой процесс реализации «возможности» в действительность, где «возможность» — это маска, то есть детерминированный (правилами) набор признаков, реализация которых влечет за собой структурирование психического состояния, как самого субъекта (человека), так и внешней среды, посредством взаимодействия с ней. Действительность — весь тот комплекс окружающей среды, который вовлечен в игру, причем значение предметов зависит здесь и всецело определяется «возможностью» игры, представленной в виде символов. Так, если ваши дети играют в мушкетеров, то любой предмет, имеющий неправильную цилиндрическую форму на время игры для них будет шпагой. Детские игры реализуют те образы, нормы, принципы, которые впитывает в себя ребенок на той стадии, когда сам еще является только объектом игры, то есть тогда, когда вы с ним играете.

Здесь, чуть забегаая вперед, дадим понятие алеантности игры. Алеантность (alea — жребий, игральная кость) — это степень того чувственного, что принято называть удовольствием, радостью... Игры можно разделять по степени алеантности, которая зависит от:

— Количества участников с одинаковым бытием в возможности. Здесь налицо следующая тенденция — чем больше человек принимает участие в той или иной игре, тем дифференцированнее «возможность» каждого из них, что с необходимостью приводит к различному стилю игры (внешнее выражение «возможности»), образуя в рамках одной и той же игры антагонизм, формой снятия которого является насилие. Субъект реализующий власть (детализированная зеркальная энтелехия «возможности») обладает большей степенью алеантности, нежели подчиняющийся.

— Того, насколько «возможность» лично сформирована. Все то, к чему мы приходим самостоятельно необходимо находит свое выражение в нашем поведении. Самая высокая степень алеантности наблюдается там, где человек вовлечен в игры, потенциальное бытие которых сформировано им на основе отрицания должного общественного бытия: преступление, творчество, любовь, предпринимательская деятельность, война (только в отношении таких личностей как Цезарь).

— Причины игры. Игра самодвижущаяся константа, выражающая себя в том, что возможное необходимо реализуется в действительное (вне зависимости от формы реализации). Заметим, что игры животных всегда приносят субъектам радость, за исключением тех случаев, когда их причина связана с необходимостью, выраженной в обстоятельствах, находящихся за пределами игрового — пожар, наводнение, засуха, миграции, фазы луны и прочее. Тоже обнаруживается и у человека: любая необходимость, продуцированная «возможностью» игры осознается как желательная, в то время, как необходимость, возникающая извне воспринимается резко негативно как вмешательство в суверенную сферу игры. Примером могут послужить ситуации от прерывания игры детей криком о том, что пора обедать и до ноты протеста одного государства другому.

Существует множество других немаловажных факторов, на которых мы останавливаться пока здесь не будем; в целом же необходимо отметить, что самой высокой степенью алеантности обладают детские игры, так как в них личность ребенка составляет ту возможность, которую он воспринял через систему подражания. Разница между игрой детей и «деятельностью» взрослого человека состоит в том, что «возможность» последнего формируется не им самим,

¹⁴ Хейзинга Й. Homo ludens. -М., 1992

он одновременно играет в несколько игр (отец, начальник, гражданин, налогоплательщик и прочее), и та игра, в которой он участвует есть лишь малая часть общей возможности, форма игры не регулируется им самим, то есть является продуктом не -личного бытия в возможности.

Таким образом, не существует игры и не -игры. Существуют лишь игры с различной степенью алеантности.

Игра есть то, что снимает противоречия мысли, ибо именно в ней живет истина. Игра есть то, благодаря чему стабилизируется многообразное. Игра -это форма бытия всего биологически живого. Причем то, что нами сейчас не воспринимается как игра (например, навык) ранее обладало именно игровой природой. Так, например, письменность, которая сейчас стала обязательным атрибутом человеческого и воспринимается нами как должное и обыденное явление раньше была признаком принадлежности к высшей касте, которая окружала себя церемониалом (игрой с высокой степенью алеантности) — например, профессия писца в Восточных Деспотиях.

Существует четыре ступени алеантности:

— Самая первая реализация потенциального бытия, связана с повышенным эмоциональным фоном. Это знакомо каждому, кто делал что-то в первый раз. Здесь каждый без труда усмотрит игровой дух. Здесь же впервые снимаются противоречия возможности.

— Закрепление результата, использование формы игры.

— «Обычность», форма выражения труд.

— Навык. Характерная черта — отсутствие сознания возможности, интерпретация своих действий на уровне констатирующего самоконтроля.

Таким образом, сущность игры заключается в том, что игра является способом реализации бытия в возможности в действительность (формообразующей константой бытия).

Сочинение №4. О предмете лудологии. Краткий очерк¹⁵

1

Современный XX век, так бережно прогоняемый системой восприятия времени, подарил нам самое большое чудовище, самого злобного и кровожадного *Минотавра* — младенца, речь идет о сомнении в его результативности — современный человек уже отказался от права на познание, на достоверное познание. Сегодня мы, люди технократического толка приписали себе функции *Человека — действующего*, существа отвечающего за самое себя как за субъекта действительного, изгнав фактор т.н. «духовности» к остаткам богословов и простых неудачников. Сегодняшний носитель разумности чуждается вопросов существа и сущности проблем так, как будто бы их наличие есть нечто аморально — гнусное по отношению к их обладателю. Увы, барьеры личного познания сегодня почти для всех — норма жизни, стена за которой спокойно и безмятежно, а не то, что должно превзойти для самое себя... как для *Homo Sapiens*.

Иногда, конечно, некоторого «сапожника», вдруг, да и осенит мысль о том, что у Наполеона тоже было всего лишь 24 часа в сутки для достижения собственной истории и предназначенности, но эта мысль нечто отвлеченное и никак уж не побудитель действия.

Нам уже трудно себе представить, что есть идеология в действии и почему интересно Гитлера слушали часами? Не потому ли, что он снимал сливки тяги к философии люмпенов и пролетариата? Но опять же XX век отбил всякую охоту обывателя к мысли через действие; и действия только на основе собственно — приобретенной достоверности критического анализа. Только действие, которое укладывается в представление целесообразности, в представление необходимости и это называется полезностью и отсутствием нездорового, не победоносного взгляда на эту жизнь... само понятие жизни в прикосновении к его пределу бесконечности вызывает чувство страха и желание спрятаться подальше в кругу известности и привычности, экономика почти вся основана на этом...

К чему можно призвать сегодня? Призвать так, чтобы не быть похожим на Матушку церковь, пропедевтику всего отчаянно философского? Нельзя требовать от каждого уединения мысли настолько, чтобы он думал только за самое себя в противостоянии всему тому, что в самое себя не входит по определению собственной воли, предшествующей по обыкновению, у сильного, действию.

Но именно неспособность сегодня мыслить так, чтобы в своем мышлении предопределять историцизм собственной судьбы рождает тоталитарность государственного, общественного по отношению к личностному.

Иммануил Кант, властитель дум, прежде всего своих дум, забыл указать в своем императиве на необходимость мыслить так, чтобы максима мысли могла быть всеобщим законом для всех, для него это, наверное, было, как процесс дыхания, — естественно и невозможно в своем отсутствии, но об этом не знали «полит-технологи» Нового времени, активно насаждавшие формы «лучшего» в умы нашего времени.

Наше предложение коротко по сути и достаточно безумно по своему содержанию. Необходимо сформировать форму познания, которая синтезировала бы в себе личностные и внеличностные моменты познания таким образом, что на основе самое себя как метода познания позволяла бы индивидууму определяться в своем отношении к универсуму явлений, доступных ему для восприятия таким образом, чтобы только он мог определять свое отношение к

¹⁵ Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. А. Л. Бойко — Ростов-на-Дону, РГУ, 2000г- Вып. №8 стр. 19—25

ним и управлять ими в отношении самое себя в области мысли. В перспективе своего развития это позволит снимать противоречия между эмпирическим знанием (не детерминированным по качеству, например, научность) и общедогматическими положениями среды, с которой индивидууму приходится сталкиваться как животному общественному.

Для чего это необходимо? Если говорить о гносеологическом аспекте, это позволит «упразднить», например, такое учение как «вещь в себе», ибо можно будет унифицировать и стандартизировать формы восприятия тех или иных объектов. Если же обратиться к форме социализации, то следует отметить, что именно таковы сегодня требования гражданской свободы, которые, к сожалению, не могут быть реализованы на основе современных представлений о человеке, месте человека, особенности тех способах и формах развития, которыми он должен руководствоваться при принятии политически ответственных решений. Сегодня мы с вами не можем сбежать от государства, от сферы публичного, формализованного идеального. Если раньше существовала ночь и свечи, и замирание жизни было действительно естественным, а коммуникация выглядела как следствие достижения согласия, церковь всегда оставалась последним форпостом обороны ослабевшего духа, то сегодня мы — продукт времени, которое куетя так быстро и изменяется на таком уровне абстрагирования, что мы обязаны быть включенными в его ритм и динамику. Государство сегодня — это уже не интерес публичности, реализуемый в действительности каким-нибудь «приставом», это абстрагированность процессов до наивысших пределов, это таинство власти, это то, что пронзительно точно определил Гегель, это бытие Бога на земле. И этот Бог живет по правилам, которые вынесены за пределы каждодневного восприятия, лишены чувственного и представляют собой форму внеличностной необходимости, по своей силе сравнимой с законами неживой природы, фактически, непреодолимая сила.

Надо понимать, что государство — это всегда враг личности. Действительной личности, которая всегда сугубо индивидуальна и только самопознаваема; государство ценит выхолощенность и норму ненормальности, но никак не способность быть хозяином своей судьбы. Это не для него и не по его костюму.

Жить, будучи заложником тех представлений, которые специально потребляемы именно в таком виде большинством масс — глупо и необоснованно. Жить тюремщиком собственных помыслов, принося в жертву свое бытие в действительности во имя спокойствия мысленного — так же недостойно. Страшно оказаться перед лицом невозможности чувствования, осознавать, что это смерть, конец и не понять, что жизнь (еще одна общая персонификация внечувственного) прошла вне зависимости от собственной воли, потому, что *собственности* в этой воле никогда не было.

2

Каждый человек живет в области чувственного и внечувственного. Философия называет это сенсуалистическими перцепциями и рассудком, психоанализ — желаниями и мотивациями внеличного характера, обывательский разум — желанием и необходимостью. По-разному строятся формулы личных отношений к этим двум сферам, начиная от христианского универсализма преодоления плотских желаний и заканчивая ницшеанским «я хочу — значит, я должен». Декарт вообще первым уловил связь чувствуемого (как некоторой вторичности) по отношению к мыслимому. *Cogito ergo sum* отражает, помимо всего прочего, форму удостоверенности субъекта в мысли при наличии сомнения относительно чувственного: сначала внеличное «мыслю», затем универсум чувственного — «существую» в его балансе рассудочного и чувствительного.

Чувства одноразовы по потреблению и отражаемы сознанием как память по восприятию, мысль всегда независима и почти не поддается притяжению натурализма, всегда холодна в своем воспоминании и всегда будоражит в своем формообразовании.

Представляете, как было бы прекрасно, если бы ваши мысли были всегда адекватны желаниям в такой степени, чтобы можно было создавать свои желания на основе своих мыслей? Некоторые достаточно сильны, чтобы изучать традиции восточной медитации для приближения к таковой властности.

Персонификация единоличной властности свойственна всем субъектам творческого познания, каждый, кто хоть раз прикасался к священной форме индивидуальной уверенности в правоте своего «Я», только своего, знаком со сладостным чувством хранения тайны силы, ибо знание — сила *уже* личного духа. И каждый из нас, наверняка, обнаруживал, что, то самое лично — *свое*, персонифицированное в гугучей уверенности где-нибудь (если не повсеместно), составляет уверенность и основу суждения множества подобных тебе *Homo Sapiens*.

И тогда чувственная идеальной формы этого мира, воплощенная в вашей уверенности, восстает против того, что вы — не самое сокровенное и индивидуальное в этом мире, ведающее секретами жизни и устройства бытия. Тогда, может быть, чувственное говорит нам о том, что существует гордость познания. Каждый по — разному реагирует на обнаружение своей не уникальности и не способности быть богом и властелином самого сокровенного в человеке (мысли), но большинство из нас непременно апеллирует к авторитетности и к прошлому, задействуя прекрасный принцип «Знание — есть припоминание» (Платон). «Покойники» всегда внечувственны для познания и поэтому они есть средоточие именно рассудочного, заикленного на универсальную подробность субъекту познания (и Гегель, и Кант, и Аристотель, и все, все, все были людьми, т.е. в категории рода полностью подобными каждому из нас). Смерть обезличивает и обесчувствует содержание результата познания. Не менее действенный способ — поставить подобие результата познания как цель в качестве подобия. Такова идеология и политика Христианства. Субъект высказывания впервые предстает как возможно — подобный, но требующий присоединения к себе (абсолютная причастность — форма абсолютного подобия) не через форму присоединения мысли (это только один элемент), но через реализацию идеального начала (заповеди учения, идеальная рассудочная форма бытия возможного) в действительное в рамках восприятия одного индивидуума (верующего), т.е. конечная цель — полнейшее воплощение в чувственном первично идеального начала. При этом для того, чтобы не происходило естественного процесса «коррозии» при прохождении идеального в чувственное создается институт сторонних наблюдателей, бытие которых никоим образом не может быть связано чувственными рамками с теми, кто проводит в свою жизнь, в свое чувственное, *идеальное начало*, — иначе была бы возможна синхронизация процессов, а, следовательно, само идеальное начало было бы размыто относительно пределов самое себя в отражении лич-

ного сознания. Институтом таких сторонних наблюдателей становится церковь, задача которой именно в сохранении стандартов идеального и формы их воплощения в действительном в отношении неопределенного круга лиц.

Христианство впервые подарило истории познания систематичность массового равновесия идеального и реального при том, что сам процесс носил характер зависимости от формы своего протекания...

Необходимо понимать, что недооценивать роль чувственного и идеального становления общественной материи — совершенно недопустимо.

Данная проблема всегда является решающей. И современность государственности с успехом демонстрирует нам, что сочетание баланса элементов чувственного и внечувственного может определять ход развития истории.

Для исторической безопасности совершенно недостаточно находиться в плену точек зрения, сформированных в те периоды, когда происходило становление того, что сегодня является формой бытия в действительности неперсонифицированного круга лиц на территории всего земного шара.

Боле того, мы не уверены в том, что данные вопросы можно давать на откуп так называемым «профессионалам» мышления, которые, изобретя систему ценностей или же методологию познания, могли бы в отрыве от самого широкого круга лиц использовать выводы для указания на те или иные формы развития. С другой стороны, предоставлять системам общества развиваться так, как они сами по себе развиваются — так же неразумно. Жить в плену представлений о благоденствии прошлого — удел либо глупцов, либо слабых. С другой стороны, для определенного государства, общества прошлое какого-либо другого государства (даже соседа) может быть воспринимается лишь как светлейшее будущее в силу специфики развития по тем или иным причинам (как известно, в области объективности государственного законы линейности времени действуют с большой натяжкой), но логично и действительно было бы предположить, что существует абсолютный лидер «переднего края», для которого вопрос хорошего формообразования *нового* необходимо трансформируется в поддержание всего хорошего *старого*. При этом критерием оценки опять же может выступать только чувственное начало массы усредненности, которая выражается в терминах прав человека, уровне жизни личности и прочее, и прочее. Возможно, что государство находится в жесточайшем кризисе политического развития, общее идеальное данного государства критически по своему развитию, но при этом частный уровень демонстрирует вполне приемлемую картину социума, которая кажется идеальной. И все равно рано или поздно приходится осматриваться оком полнейшей внечувственности, оком Вечной Осторожности, — появляются индивидуумы, личностное начало которых устроено таким образом, что проблемы идеального универсума воспринимаются ими как глубоко личные проблемы, чувственное начало данных субъектов лишено возможности чувствовать вне поля истины, а *modus vivendi* предполагает стабильность только в случае решения проблем универсума. При такой ситуации рождаются новые философские системы, новые формы познания, новые когнитивные системы построения достоверности. Обычно это связывается с философией, сегодня некоторые склонны видеть в данном уже несколько даже политическую оценку, ибо сама политика выступает краткосрочной формой создания содержания суждений неперсонифицированного круга лиц.

Кому вероятно то, что Шарль Монтескье подозревал об успехе своей теории разделения властей? Но, тем не менее, плод мысли существа чувствующего, страдающего определил форму суждения о вещах внечувственных сотен миллионов человек и определяет по сей день. Но так же было с уверенностью святой инквизиции, с верой фашистов, фанатизмом русских при Сталине, так было со всеми пленниками удачно сбалансированных когнитивных систем, воплощенных в действительность. Индивидуум каждый день определяет свой выбор присоединением к той или иной форме внеличной персонификации своего «Я». Иногда это проис-

ходит только в форме вне действительного, поскольку никак не связано с действием и тогда, только тогда, действителен становится, к примеру, психоанализ, который превращает в работу саму форму мышления, мысли, то, что всегда необходимо предшествует действительности действия масс. Это одна из форм личной подстраховки человека в мире сложнейших форм равновесия идеального и реального.

Настоящая работа посвящена предмету того, что должно стать страховкой индивидуума, его сознания, при формировании им и вокруг него универсальных форм равновесия идеального и реального. Задача того, что мы называем *лудологией* — сделать каждого человека активным субъектом познания, способным не быть заложником стандартов, привнесенных в него, не созданных им самим. На основе лудологии каждый должен быть ответственен перед самим собой в ранге *действительного* Homo sapiens.

3

Оговорка для сведущих в методологии науки, — мы не будем изучать возможную предметность вообще дифференцированно к формам познания. Сам вопрос определения предметности в достаточной степени сложен, чтобы его раскрывать традиционно, с точки зрения включаемости и соотнесения с методологией, и поэтому нам видится возможным говорить о предметности как форме результативности применения методологии при познании. Соответственно, в этом же угадывается противостояние того, что принято называть теорией и практикой, последняя всегда есть результат применения общего метода при автоматически ориентированной предметности к частному случаю общего представления той или иной формы познания о действительном.

Людология (*ludo* — играю, *logos* — знание) — форма познания, в которой предметом является мир как универсум в своих проявлениях, а методом — анализ этих проявлений с точки зрения игры. Не игра анализируется, но мир сквозь игру. Это обусловлено тем, что игра всегда выступает как категория чувственного порядка, та неподдельная очевидность достоверности, сомнение которой может быть только в ней самой, а, следовательно, поглощается ею самой.

Мир предстает как совокупность *форм перехода* возможного в действительное, где возможное связываемо только с мыслью и называемо «бытие в возможности». Чисто рассудочная категория, существует только как мысль о действительном. Обозначается через латинское «V» в формулах. Все действительное — возможно, но не все возможное — действительно. Примером тому может служить построение когнитивных систем одним человеком, сама система действительна только в том случае, если она есть действительность хотя бы для одного лица в определенное время и в определенном месте (например, образ жизни философа — это действительное его модели мира, его бытия в возможности). «Возможности», которые представляют собой формы отражения действительного, необходимо могут быть не заданы в рамках непосредственного восприятия (чувственного восприятия) одного лица, но необходимо заданы для восприятий других лиц вне данного времени и пространственного предела восприятия. На этом основан мир. Гарантия действительности при невозможности эмпирического удостоверения данной действительности, но при доступности бытия в возможности данной действительности. Может быть вообще ситуация от противного, когда непосредственность восприятия действительности говорит о противоречии возможности, но возможность все-таки на данном этапе восприятия действительности определяющая для нее (движение солнца вокруг земли — и теория о движении земли вокруг солнца). Действительное определяется через категорию «бытия в действительности» — это предел чувственного восприятия. В формулах обозначается через латинское «D».

Соотношение V и D может быть выражено через формулу, что каждое бытие в возможности стремится быть полностью реализовано в действительность. Каждая мысль стремится к тому, чтобы стать действительностью.

Сами категории возможности и действительности достаточно сложны и могут быть дифференцированы в зависимости от множества факторов.

Бытие образует сочетание возможного и действительно только там, где мы можем увидеть мысль и ее воплощение в чувственном, в перцепции чувственного мы можем констатировать бытие чего-либо. Данное бытие называется *Парадигмой бытия*, которая представлена соответствием «возможность — действительность». Мир представляется как сложность сочетаний данных парадигм, где варьируется качественность и зависимость формы от многих факторов.

Говорить о лудологическом анализе можно вследствие того, что переход возможности в действительность происходит на основании того, что называется игрой, точнее, игра — это

то, что переводит возможное в действительное, благодаря игре мысль обретает чувственную перцепцию.

Игра всегда задана для человека, но само восприятие игры может быть соотнесено только к тем парадигмам, которые она обслуживает в качестве формообразующей константы бытия. Соответственно, вводится термин алеантности игры. Алеантность (alea — лат, игральная кость, жребий) — степень эмоционального перехода возможности в действительность. Закон — степень алеантности убывает в прямой зависимости от количества переходов «возможности» в «действительность». Для ребенка все игра, поскольку он со всем сталкивается в первый раз, для чиновника, поступившего на службу, первый рабочий день — тоже игра поскольку он прикидывается соответствующим занятой им должности и т. д. В определенный момент происходит так, что на основе данной игры все то бытие и возможности, которое первично реализовалось данной игрой (т.е. составляло образ в сознании одного человека, субъекта игры) переходит в действительность полностью, в области мысли не остается ничего из того, что личность не обнаруживала бы в действительности на основе своего бытия в возможности. В данный момент переход возможности в действительность перестает быть игрой, поскольку процесс формообразования завершается, перед нами форма, игра утрачивает какую бы то ни было алеантность по отношению к формированию действительности. Конечный предел данного падения алеантности — появление навыка, который может быть при этом формой, обслуживающей другие парадигмы бытия.

Людология изучает соответственно явление как форму перехода возможности в действительность, анализируя при этом:

- Бытие возможности;
- Субъект реализации, то насколько полно его сознание сформировано бытием в возможности явления;
- Переход возможности в действительность (энтелехию в форме игры с различной степенью алеантности);
- Бытие в действительности явления как части процесса реализации возможности в действительность;
- Факторы существенного влияния: время, место, активность субъекта познания, степень чистоты восприятия бытия в возможности.

В любом случае количество определяющих факторов влияния варьируется относительно количества возможных вариантов соотнесения элементов парадигмы (бытие в возможности — бытие в действительности). Степень влияния субъекта познания и действия на объективные процессы можно не просто описать в качестве способности, а четко просчитать, подставив формулы определения того или иного процесса, так как последние в своем качестве зависят от того, какое бытие в возможности их составляет (общественное, частное, коллективное, общее, девиационное и пр.)

Следует отметить, что «бытие возможности» ни в коем случае не является исключительно личной категорией, субъекту познания свойственно воспринимать свои мысли как собственное достижение, как формообразование идеального бытия объекта, но это не так, примером тому может служить хотя бы язык, который выступает как чисто общественное бытие в возможности, в действительности представленное навыком. Формообразование целостности относительно самого языка невозможно.

Именно поэтому необходимо не описательное построение картины мира, а формализованное значение мира, при том, что язык вводит не только в круг понимания, но в круг действительного познания. Именно такой формой может быть математическое изложение значения того или иного бытия в возможности. Людология использует исключительно математические

формулы для объяснения мира, но никак не описательные средства языка, которые используются только в качестве объяснения, не подменяя самого объяснения.

Итак, предметом лудологии является изучение парадигм бытия любого характера и, соответственно, объяснение их бытия, как с точки зрения универсума возможного построения, так и с точки зрения частной случайности, при тождестве законов рассуждения, но при различной качественности результата анализа.

Sapienti sat...

Сочинение №5. О методе лудологии¹⁶

1. Предварительные замечания

Данная работа не претендует на исчерпывающую полноту и всеобщность в отношении описания методологической базы лудологии, более того о лудологии сегодня мы можем говорить лишь как о неопределенной возможности структурирования определенного поля познания, обладающего своим рядом специфических особенностей и характерных черт. Тем не менее уже сейчас вопрос о методе данной формы познания требует достаточно однозначного ответа в силу своей исторической парадоксальности — мы предлагаем рассматривать любой процесс как игру (отсюда собственно и этимология *ludo* — играю, *logos* — знание). Более того, одним из основополагающих принципов экзистенциального порядка является *Ludo ergo sum* — играю следовательно существую. Явная параллель с Декартом, а тем более голоса тех, кто стремится свести наше видение этой проблемы к «шарлатанству мнений», заставляют нас дать некоторые пояснения, сущность которых, однако, не претендует на фундаментальность методологических основ в отношении неопределенного периода времени в будущем.

Следует так же отметить, что любое положение вне целостной системы компрометирует, как самое себя по отношению к пониманию им адресата, так и саму систему. Нам необходимо было бы вновь определиться в отношении таких понятий как: предмет и метод исследования, человек, сущность, знание, познание, свобода, границы, предел и пр. Без исчерпывающей интерпретации универсума понятий, которыми пользуешься во время попыток донести значение, невозможно продуктивное чтение того, что тобою написано. Это выстрел в пустоту, — остается лишь надежда на отголоски. Именно поэтому то значение, которое мы донесем здесь до читателя никогда, к сожалению, не будет должным пониманием вопроса. Это очевидно для нас, в силу необходимости — и для окружающих.

Поэтому здесь мы выберем классическую модель «научной статьи» и поставим вначале вопрос, ответом на который послужит все то, что мы напишем ниже.

Итак, что есть игра, каковы пределы игрового и почему именно игра понимается как формообразующая константа бытия?..

Прежде всего, вопрос о сущности (как единственно данного основания анализа) можно рассматривать в следующих аспектах:

- Представление. Здесь дифференциация может быть обусловлена:
 - кругом субъектов представления (например, «научные точки зрения»);
 - формой, закрепляющей данное представление (личный опыт, общее мнение, общественное мнение и пр.);
 - прочими факторами, которые по своей природе достаточно нестабильны.
- Индивидуального мнения, уверенность в котором по своей силе может быть тождественна воле, в том смысле, как ее понимал Артур Шопенгауэр.

Представление об игре не предмет нашего анализа, а его конечная цель (здесь предмет трансформируется в содержание, если принять во внимание, что методом такой метаморфозы является прохождение индивидуально-определенной мысли через круг неперсонифицированного восприятия. Мы не будем описывать здесь полярность точек зрения в различных науках

¹⁶ Известия вузов Северо-Кавказский регион Общественные науки- 2001- №2, стр. 9—12

относительно сущности и значения игры (при всем понимании некорректности данного подхода, он продиктован тем, что «порочность» данных представлений обусловлена:

— Хаотичностью субъективного восприятия, исходя из принципа детерминируемости предмета методом познания.

— Хаотичностью и отсутствием целостности в предмете познания. Так совершенно не выделяется, что именно анализируется: бытие в возможности и его носитель, переход «возможности» в действительность, сам предмет реализации, их временная дифференцированность относительно самое себя и субъекта познания и прочие факторы, которые имеют основополагающее значение.

— Отсутствием целостности в отношении понимания игры относительно той или иной монолитной системы восприятия, что в свою очередь порождает достаточно обширную терминологическую путаницу, которая как это ни странно, воспринимается как причина, а не как следствие заблуждений в том или ином вопросе;

— Знанием «хрестоматийного глянца» любого вывода и исследования прошедшего «научное рождение».

Поэтому мы подойдем к вопросу на основании второго метода корреспондирования значения, предупредив читателя о том, что все нижеизложенное актуально суще только в рамках людологии и лишено права на понимание в сфере традиционно удобно устоявшихся взглядов и истин современного.

2. Понятие игры

Дать определение чего-либо означает прежде всего стабилизировать восприятие дефинируемого «предмета» таким образом, чтобы Разум мог с той или иной степенью автоматизма реализовывать для себя универсум значений, которые охватывает само определение. В сфере «чистого познания» это невозможно, даже в такой замкнутой системе как архаичная Греция, уклад жизни которой был построен на универсальности языковых форм обозначений, это привело к появлению такого феномена как «Ведро Сократа», который в свою очередь произвел на свет всю Западную Философию с ее претензией на правильность поисков Истины¹⁷. Восток в этом отношении был более мудр. Там, стабилизируется не само представление о предмете, а способы (методы), благодаря которым возможно получить данное представление. Таким образом, задается исчерпывающе-описательная система, которая порождает образ (представление, содержащее долженствование в отношении субъекта познания, структурирующее данное представление), а не понятие, которое по своей природе является основанием для бытия всякого отрицающего духа¹⁸. В сущности, любая религия основана на этом простом принципе. Философия после Гегеля сделала достаточно большой прогрессивный шаг в этом направлении, поставив восприятие значения понятия в непосредственную зависимость от метода философского учения в целом, в противовес метафизическому истолкованию фактов реальной действительности. Тот, кто не следует этой традиции рискует оказаться в положении Й. Хейзинга, написавшего блистательную научно-описательную книгу об игровом элементе человеческого «*Homo ludens*». Последуем заданной гениальной традиции и определим игру как то, «благодаря чему многообразное в явлении упорядочивается определенным образом»¹⁹, как форму. Здесь сразу же мысль делает бешенный скачок в область Сомнения относительно возможной верности понятий многообразия, явление, порядок, образ... Далее ряд покажется бесконечным и придется перейти в сферу предела познаваемого, а потом и ценности познания и познаваемого, что неизбежно приведет к спекулятивным умозаключениям как результату всякой невозможности самодостаточного умозаключения. После всех закоулков лабиринта мысли мы придем к формированию все того же представления (полностью оторванного от эмпирического основания, а это залог опять же отрицания предыдущего, — чувственное восприятие целостного, увы, не постоянно).

Разрубить этот «Гордиев узел» позволительно не иначе, как определив, что есть бытие как основание для всякого суждения о явлении. Пропуская ряд существенных посылок (только лишь потому, что они достаточно блестяще освещены в трудах наших предшественников, отметим, что за сферой человеческого неизбежно, в целях недопущения порочного «круга человеческого», признание дифференцированности бытия на «бытие в возможности» (*БВВ*) и «бытие в действительности» (*БВД*). Авторитетность данного положения подкрепляется в достаточной степени значительной фигурой Истории — Аристотелем. Именно он впервые ввел их в научный (?) философский оборот²⁰. В самом общем виде: *БВВ* — это область вещей, опосредованных мыслью, бытие самой мысли; *БВД* — это область вещей, бытие которых возможно проверить благодаря чувственному восприятию, это бытие мира как предмета познания, где методом является чувственное восприятие. Для профессионального знания существует масса особенностей и характерных черт, но для нашего вопроса главными выступают следующие.

¹⁷ П. С. Таранов «120 философов. Жизнь, судьба, учение». Симферополь 1997 г., стр. 216

¹⁸ Менахем Яглом «Что есть человек, что ты помнишь о нем» // «Современный человек. Теория и философия образа». М., 1997 г.

¹⁹ И. Кант «Критика чистого разума». Симферополь 1996 г., стр. 50 — 51

²⁰ Аристотель. Метафизика (книга IX). Ростов-на-Дону, 1999 г.

БВВ всегда необходимо обнаруживает себя в БВД, переходит в него. Процесс перехода и конечный результат называются «энтелехией». Таким образом, данный мир может быть представлен как сумма переходов (и конечных результатов) БВВ в БВД. Представления о мире дифференцируются в зависимости от того, что анализируется, воспринимается: (БВВ или БВД, или переход); каковы пределы этого анализа; временная дифференциация и пр. Это достаточно объемные вопросы, чтобы на них здесь останавливаться, поэтому отметим лишь, что БВВ есть материя (представленная суммой противоречий, каждое из которых до реализации приходится признавать необходимо истинным в рамках процесса будущей реализации), в то время, как БВД несет в себе признаки формы, является ею, процесс осуществления «возможности» в действительность есть процесс создания формы, где хаотичность и нестабильность мыслимого приобретает канонизированность однозначного восприятия чувственного, стабилизируется и упорядочивается определенным образом. Весь мир представлен сочетанием представления с подтверждающим его чувственно воспринимаемым. В той или иной мере любая философская система сводится к описанию сочетания элементов по качеству и количеству этих двух сфер бытия (с учетом вклада каждого из создателей на основе личного восприятия одного или группы элементов данной целостной парадигмы бытия).

Мы говорим о том, что игра есть то, что переводит материю в форму, то, благодаря чему осуществляется переход БВВ в БВД. Именно поэтому в схеме целостной парадигмы бытия игра является движущей причиной. Более того, степень соответствия формы материи во вторичной реализации (при первичной это всегда случайный характер) находится в прямой зависимости от качества (исходя из первичной реализации) игровых действий, направленных на структурирование формы. Отсюда и универсальное определение игры. Игра — есть формообразующая константа бытия.

3.0 формах восприятия игры

Игра может восприниматься в следующих формах (и от этого зависит ее значение, а, следовательно, и представление о ней):

I. Непосредственно субъектом (обобщенное понятие не исключает коллективность) реализации. Здесь возможны следующие формы зависимости от:

1. Самосознания.

1.1. Субъект реализации знает о себе как о субъекте реализации.

1.2 Субъект не знает о себе как о субъекте реализации.

Соответственно путь решения государством проблемы национальной дифференциации может быть обозначен как вытеснение из сознания персонифицированного круга лиц (бытия в возможности) положений о различиях на основе национальности. Создание условий, при которых форма персонификации личности в окружающем мире не будет связана с национальной принадлежностью. Человек это то, в чем он обнаруживает себя как деятель или субъект участия. Уровень жизни и общее правосознание -это только косвенные способы решения общей проблемы. На основе лудологического анализа вполне реально построение универсального алгоритма развития ситуации личной судьбы миллионов, благодаря которому вопросы национального самоопределения будут решены не post factum на основе примирения или необходимости мирного сосуществования наций, а на базе формирования общества, в котором вопрос национальности будет вытеснен в сферу отсутствия возможности восприятия данного различия в рамках «здесь и сейчас» и идентификации его на уровне общих суждений.

Сочинение №44. Формирование межнационального познания на основе лудологии²¹

Среди прочих детерминант познания, среди сотен устоявшихся форм перцепций, определяющих содержание результирующего начала познания, следует выделить так же и национальность, национальную принадлежность. Именно национальность как форма универсальной причастности к бытию в действительности неперсонифицированного круга лиц, играет, порой, определяющую роль в выборе той или иной системы рационального поведения, взаимоотношения, наконец простого сотрудничества в области повседневного...

2. Количества повторений.

2.1. Первичная игра (реализация):

2.1.1. Абсолютно первичная (творческая), когда структурируется то, что не имело аналогов ранее.

2.1.2. Первичная игра относительно данного субъекта. Здесь присутствует высокая степень алеантности, состояние, которое в каждом случае определяется индивидуально.

2.2. Мета-формы:

2.2.1. Индивидуальное количество повторений (соответствует п. 2.1.1.).

2.2.2. Множественность повторений относительно соответствующих субъектов той или иной игры (соответствует п. 2.1.2.).

2.3. Автоматизированное повторение:

2.3.1. Неосознанное автоматизированное повторение (лишенность БВВ) — навык. Характерная черта — цикличность и периодичность.

2.3.2. Автоматическая форма перехода. Характеризуется однократностью и отсутствием постоянного воспроизведения в действительности.

3. Знания и не знания об игре.

3.1. Субъект знает о том, что играет:

3.1.2. Знает во что играет.

3.1.2. Не знает об игре (знает, но недостаточно).

3.2. Субъект ни при каких обстоятельствах не обнаруживает себя в игровом поле:

3.2.1. Полная персонификация самого себя с «маской».

3.2.2. Индивидуальный критерий в отношении «игра — серьезное».

В зависимости от формы игры участник игры строит свое представление о самом себе и той деятельности, в которой он персонифицирует себя, происходит смена масок. Так, например, форма 2.1.1. в сочетании с 3.1. — дебют актера на сцене, а 3.2. и 2.1.2. — это тот спектр чувств, который возникает у каждого человека при первом трудовом дне, учебе и пр. первичных формах любой деятельности. В последнем случае налицо:

— Персонификация относительно парадигмы бытия;

²¹ Культура межнационального общения: проблемы формирования и развития: материалы конференции — Махачкала: изд-во ДГУ, 2001г.

— Высокая степень алеантности, которая в дальнейшем убывает в прямой зависимости от количества повторений.

Здесь следует отметить, что индивидуальным началом человека является случайное сочетание выше приведенных форм игр, умноженное на то многообразие содержания «возможностей», которые реализует та или иная игра.

Более того, схема усложняется если учесть, что:

1) БВВ субъекта реализации может формироваться как самостоятельно, так и полностью корреспондироваться общественным бытием в возможности (например, нормы права), при том, что человеческому свойственно воспринимать общественное БВВ как сугубо-личное, естественное;

2) Существует временная дифференциация восприятия процессов по отношению к самому процессу реализации;

3) Игровая атрибутика (предметная сторона энтелехии) необходимо дифференцирована по отношению к каждой индивидуально-определенной игре;

4) Субъект игр может быть представлен: одним человеком (существует как комплекс масок); коллективом (многообразные конгломераты), здесь ситуация усложняется в силу того, что происходит процесс усечения противоречий, как в самой возможности до процесса реализации (например, административное управление), так и устранение противоречий возможности реализованных в действительность (здесь форма снятия противоречий имеет тоже форму игры, например, судебный процесс, ордалии и прочие ритуалы); неперсонифицированным кругом лиц, здесь уже существует абсолютно независимые БВВ данного круга лиц, представленное либо в форме символов (понятие человек, например), либо образа (например, понятие гражданин), модели (государство, юридическое лицо, общественное объединение и пр.). Соответственно в последнем случае внимание субъекта познания смещается в сферу индивидуально-определенного современного содержания той или иной игры и субъект даже не подозревает о том, что его действия предсказуемы и заданы ему, носят абсолютно условный, абсурдно-определенный характер, — у него создается ощущение естественности и необходимости именно данной формы бытия именно в данном качестве. *Игра структурирует и формирует бытие человека, персонифицируя его относительно того или иного БВВ, обнаруживая его в той или иной детерминированной действительности.*

II. Субъектами не участвующими в игре.

Здесь возможны следующие позиции:

1. Субъект не наделен тем БВВ, которое реализует наблюдаемая им игра.

1.1. Не может обладать данным БВВ в силу того, что обладание им прямо противоречит тому БВВ, носителем которого он является.

1.1.1. Невозможность в силу того, что данное БВВ возникает непосредственно в силу косвенного опосредования того или иного БВД (например, связка «мужчина — женщина»).

1.1.2. В силу того, что БВВ, носителем которого является субъект представляет собой противоположность другим БВВ, тоже реализовываемое в действиях другого субъекта (например, истец и ответчик в судебном разбирательстве).

1.2. БВВ носителя по своей структуре не предполагает восприятие именно данной индивидуально-определенной игры. Действует механизм «Предмет — Метод» (например, специфика и особенности языковой среды).

В данном случае следует отметить, что больше половины значений, реализуемых наблюдаемой игрой, остаются недоступными субъекту созерцания (механизм «Предмет — Метод»). Именно данная связка породила заблуждение, выразившееся в противопоставлении «игра — серьезное». Так, то, что *серьезное* для стороннего наблюдателя, является зачастую искусствен-

ным вплоть до смешного для самого субъекта реализации — чувство знакомое всем верховным правителям. Соответственно и порочность воспринимаемого.²²

2. Субъект наделен соответствующим БВВ. Здесь разница лишь в статике и динамике процессов + временная дифференциация (наделен в прошлом, настоящем, будущем).

Следует учесть, что схема опять же усложняется благодаря тому, что:

— Субъект может быть единичным (БВВ лично сформированное или клишированное и пр.), коллективным, общим, неперсонифицированным;

— Предметом наблюдения может быть, как целостная универсальная парадигма (<... > БВВ — осуществление (игра) — БВД), так и отдельные ее элементы, а, соответственно, создается погрешность в рассуждении. Так, например, право, правоотношение, государство расцениваются как самостоятельные элементы, в то время, как это единая целостная парадигма бытия (право- бытие в возможности государства, государство- бытие в действительности права);

— существует также множество других частных факторов.

В целом, вышеизложенная схема является теоретической конструкцией, в действительности, самодостаточные группы элементов представляют собой достаточно затруднительные хитросплетения состава, при этом перечень, приведенный выше, далеко не исчерпывающий. Это лишь обобщения, формы, реальное многообразие содержания которых абсолютно неисчислимо. В свое время Э. Берн попытался вычленил общие типы²³... Мы же, пока, в этой работе ограничимся определением *мира как дифференцированного комплекса игр, а человека — как комплекса масок, которые он меняет с течением времени.*

Заметим так же, что представления, как результат той или иной деятельности об игре, только потому и были «порочны», что их создатели ограничивались суждениями, полностью детерминируемыми той или иной формой сочетания вышеприведенных форм игр, что, соответственно, не позволяло им в достаточной степени ясно и отчетливо определить место и роль игры в круге человеческого...

²² А. И. Михальская «Русский Сократ», М., 1996 г., стр. 77 — 80

²³ Э. Берн «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры», Санкт-Петербург, 1996 г

4. Общие начала методологии

Прежде всего следует отказаться от символического употребления абсолютно обобщенных понятий в ходе рассуждения по любому конкретно частному вопросу. Общее понятие — есть воплощение необходимости, обосновываемой в том или ином рассуждении, которое совершенно неосознанно происходит с течением времени и может действительно привести к полнейшему перевороту в понимании того или иного частно-эмпирического предмета.

Каждый процесс в этом мире имеет свое БВВ, представленное в той или иной форме, имеющее определенный (или неопределенный) круг носителей; представлен совокупностью тех или иных «обслуживающих» игр; конкретными результатами. Поэтому при анализе любого явления следует исходить из (здесь дается максимально обобщенная схема, на практике анализа она намного сложнее):

- БВВ. Масса форм существования, начиная от того как представлено (символ, образ, модель), заканчивая субъектом (носителем).
- Анализа перехода (игры). Аналогичное множество.
- Бытия в действительности как результата данного перехода.
- Следующих факторов: а) первична ли реализация; б) способы формируемого представления; в) характер самого перехода; г) устранение хрестоматийного глянца.

Общий анализ предполагает:

- Выявление единичной целостной парадигмы, ячейки процесса (БВВ — БВД);
- Цикличности данного повторения;
- Соотношение с другими формами (например, одна «возможность» в действительности представлена массой противоречий, каждое из которых по своему оформляет и детерминирует ту или иную область);
- Временное дифференцирование анализа относительно самой парадигмы, относительно ее взаимодействия с другими формами, относительно лично-индивидуального и общественного течения времени и прочих факторов.

Перечень, неисчерпаем, дальнейшее перечисление, требует более детальной разработки, что в рамках данной работы невозможно. Но это минимальные лудологические основы.

5. Заключение

В целом необходимо провести коренное отличие лудологии от так называемых «теорий игр». Лудология не исследует в качестве своего предмета игру (это совершенно пустое занятие), ее предметом является универсальность — мир в целом. Лудология это форма познания, методом которой является анализ предмета с точки зрения игры, как игры с различной степенью алеантности, где каждое явление обнаруживается в формах, описанных выше. Мы не утверждаем, что все игра, суета сует, мы лишь пытаемся построить «абсолютно» универсальные принципы и «закономерности» структурирования и формирования данного мира. Будучи уверенными, что хаос и противоречие познания — лишь следствие неправильного понимания некоторых простейших принципов, составляющих основу лудологической базы методологии...

Сочинение №6. Формирование пропедевтики познания на основе лудологии

Существование человека неразрывно связано с необходимостью однозначной интерпретации явлений окружающей действительности. Разум не терпит состояния автономности, полярности сомнений, когда каждой версии присуща одинаковая сила бытия относительно действительного положения. Вышеописанное состояние было впервые определено Аристотелем (Метафизика, книга IX) как «бытие в возможности». Сегодняшняя лудологическая трактовка близка к пониманию бытия в возможности как составляющей части всего социального и по характеристике может быть отождествляема с пониманием рассудка у И. Канта — именно как то, что по своей природе вынесено за пределы чувственного, но неразрывно связано с последним, через опосредование мыслью предмета чувствования. Степень социализации бытия в возможности прекрасно определил Макс Вебер применительно к методологии изучения социального.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.